

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Рассказы

Николай Гарин-Михайловский
Рассказы

«Public Domain»

1899

Гарин-Михайловский Н. Г.

Рассказы / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1899

«...Зима подходила к концу. На одном из участков новостроящейся дороги шли деятельные приготовления к предстоящему весной открытию работ. Начальник участка Кольцов, уже после окончательных изысканий, закончившихся предыдущим летом, затеял изменить направление линии. Это изменение обещало серьезные сбережения, и Кольцов с двумя молодыми инженерами, проработав всю зиму в поле, напрягал все усилия закончить все работы к предстоящей через две недели сдаче подрядов...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1899

© Public Domain, 1899

Содержание

Вариант	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Гарин-Михайловский

Рассказы

Вариант

Зима подходила к концу. На одном из участков новостроящейся дороги шли деятельные приготовления к предстоящему весной открытию работ.

Начальник участка Кольцов, уже после окончательных изысканий, закончившихся предыдущим летом, затеял изменить направление линии. Это изменение обещало серьезные сбережения, и Кольцов с двумя молодыми инженерами, проработав всю зиму в поле, напрягал все усилия закончить все работы к предстоящей через две недели сдаче подрядов.

Торопиться нужно было для того, чтобы успеть провести и утвердить вариант до торгов и этим впоследствии избавиться от претензий подрядчиков на тему, что их подвели, что они понесли убытки вследствие уменьшения работ, и результатом таких претензий была бы неизбежная приплата подрядчикам казной 20 % сбереженной против подрядов суммы.

Дни в усиленной полевой работе, вечера за вычерчиванием планов и профилей, короткий отдых – в последнее время три-четыре часа в сутки – изнурили и утомили Кольцова и двух его товарищей. Особенно подался Стражинский. Он так похудел, что жена Кольцова говорила, что у Стражинского остались одни глаза. Стражинский за зиму нажил себе страшный ревматизм; в последнее время еще простудился, кашлял и производил крайне ненадежное впечатление. Несмотря на двадцать семь лет, волосы его заметно стали седеть. Его изящная, стройная фигура сгорбилась, красивое лицо осунулось, и только большие выразительные глаза выиграли, – они то зажигались лихорадочным, раздраженным огнем, то грустно-безнадежно смотрели на окружающих. Спокойный, воспитанный, он теперь едва сдерживал свое беспричинное раздражение.

– Вася, не мучь ты Стражинского, – говорила Кольцову в редкие минуты отдыха его жена, – право, по временам плакать хочется, глядя на него.

– Ну, что же делать, – отвечал Кольцов. – Мне назначено девять человек, из них прислали только двух, а остальных оставили пока при Управлении. Вот скоро кончим, тогда дам ему хоть на месяц отдых. Ведь и я и Татищев так же работаем.

– Ты и Татищев здоровые, а он совсем не вашего поля ягода.

– А я тут при чем, – возражал Кольцов. – Не вводить же казну в миллионные убытки оттого, что Стражинский не на своем месте. Вот скоро кончим, тогда...

И Кольцов опять убежал в контору. Там, в сырой, осенью только отделанной комнате, служившей прежде кладовой, занимались Стражинский, Татищев и Кольцов.

В сыром накуренном воздухе было угарно и тяжело. Стражинский работал молча, напряженно, не отрываясь. Только нервное подергиванье лица выдавало его раздражение.

Татищев работал свободно, без напряжения.

– Экое отвратительное помещение, – ворчал Татищев, водя рейсфедером по бумаге и беспрестанно отбрасывая шнурок пенсне.

– Да, гадость, – согласился Кольцов.

– Гораздо лучше было нанять дом Мурзина, – ворчал опять Татищев.

Немного погодя Татищев опять заговорил:

– Невозможный рейсфедер, линейки порядочной нет. Вот этим рейсфедером я уже второй миллион экономии дочерчиваю. Хоть бы рейсфедер новый.

– Невозможные инструменты! – вставил Стражинский.

– Хоть бы в пикет сыграть, – продолжал Татищев, помолчав.

– Некогда, некогда, – отвечал Кольцов. – Кончим вариант, тогда и будем играть, сколько хотите.

– Никогда мы его не кончим, – отвечал Татищев и вдруг весело, по-детски расхохотался.

– Вы чего? – поднял голову Кольцов. Татищев продолжал хохотать.

– Мне смешно...

И Татищев опять залился веселым, добродушным смехом.

Кольцов, привыкший к его беспричинному смеху, только рукой махнул, проговорив:

– Ну, завел!

– Что мы никогда не кончим, – закончил Татищев свою фразу и залился новым припадком смеха.

Кольцов и Стражинский не выдержали и тоже рассмеялись.

Татищев кончил наконец смеяться и снова принялся за рейсфедер.

Наступило молчание. Все погрузились в работу.

– А вы помните, Василий Яковлевич, ваше обещание? – начал опять Татищев.

– Какое? – спросил, не отрываясь, Кольцов. – В отпуск меня пустить.

– Да, пушу, – отвечал Кольцов. – Как в прошлом году?

– Ведь вы же знаете, что в прошлом году помешал вариант.

– То-то помешал, – самодовольно ответил Татищев. – А как вы еще какой-нибудь вариант выдумаете?

– Нет, уж это последний.

Татищев лукаво посмотрел на Стражинского.

– Да больше времени нет, да и работы скоро начнутся.

Татищев недоверчиво молчал. Стражинский опустил голову на руку и бесцельно уставился в стенку. Изможденное лицо его выражало страдание.

– Что, голова болит? – спросил Кольцов.

– Немножко, – ответил нехотя Стражинский.

– Вам, Станислав Антонович, необходим отпуск, – проговорил Кольцов.

– Ну, уж извините, – загорячился Татищев. – Я больше Станислава Антоновича просидел в этой трущобе.

– Да вы посмотрите на себя и Станислава Антоновича, – отвечал Кольцов. – Вы кровь с молоком, а он совсем высох.

– Я тоже болен, – отвечал Татищев, – у меня горловая чахотка начинается.

Кольцов и Стражинский улыбнулись.

– Смейтесь, – обидчиво отвечал Татищев. – Вы слышите, как я охрип.

– Ну, полно, Павел Михайлович, – махнул рукой Кольцов.

– Вот и полно!

– Я не поеду в отпуск, – сказал Стражинский. – Мои финансы в таком беспорядке, что мне и думать нечего.

Стражинский жил на жалованье 125 рублей в месяц и своих средств не имел. При безалаберной кочевой жизни, при неумении обращаться с деньгами ему не хватало, и он был весь в долгу. Окончательно его запутал Татищев, богатый человек, любивший хорошо поесть. Он умудрялся тратить на кухню до двухсот рублей в месяц.

– Я решил, знаете, Павел Михайлович, – продолжал Стражинский, – уехать от вас, а то с вами кончу тем, что все у меня продадут за долги.

– Я вовсе не много трачу, – обиделся Татищев, – вот поживите сами и узнаете.

– Ну, господа, пойдем спать, – сказал Кольцов, вставая. – Два часа.

Кольцов ушел наверх. Татищев скоро собрал инструменты и торопил Стражинского.

Стражинский медленно отрывался от работы.

– Скорее, – торопил Татищев. – Оставьте так, кто тут возьмет? Есть хочется, спать хочется. Ну и жизнь!

Стражинский раздраженно молчал, продолжая собирать вещи.

Татищев, одетый в шубу, уселся на табуретку и следил глазами за Стражинским.

– Измучит нас Кольцов, – начал он, помолчав. – Я понимаю, поработать и отдохнуть, но такая каторга изо дня в день, и из-за чего, спрашивается? Я второй год с ним. На двух линиях наделал вариантов, измучил себя, других, натратил своих уйму денег и в конце концов, кроме неприятностей, до сих пор ничего не получил. Обещал выхлопотать награды.

– Э, – досадливо проговорил Стражинский. – Какая тут награда! Кто ему ее разрешит? Экономия! Кому нужна эта экономия? Для казны экономия, *c'est bien original*.¹

Стражинский воспитывался за границей и любил французский язык.

– Ну, положим, это наша обязанность, – отвечал Татищев. – Но ведь всему должна быть мера, а ведь мы живем так, как будто через год нам ничего не надо будет. Истратить все силы в два-три года, а там что ж? Истаскаешься, куда ты тогда денешься?

– И все это за такое жалованье, на которое прожить нельзя, – ответил Стражинский, укладывая последний циркуль.

Он запер коробку, положил ее в стол, постоял несколько секунд, тупо глядя перед собой, потом досадливо махнул рукой и начал одеваться.

– Это жизнь! – продолжал он себе под нос. – Мечтает о премиях, себя и других морочит. Э! все равно! Идем.

– Вот он говорит, на концессионных постройках премии давали, ну, там и можно было работать, – продолжал Татищев, идя с Стражинским по сонным улицам завода, где они жили, – но из-за чего здесь надрыватьсья? Я не понимаю.

Стражинский молчал.

– Васька, скорей ужинать! – кричал Татищев, входя в квартиру.

Сонный Васька побежал на кухню, принес на блюде аппетитный кусок жареной телятины.

– Опять подливки мало, – заметил Татищев, подходя к опрятно накрытому столу. – А закуски почему не поставил? Тебе сколько раз я говорил, чтобы ставил по два стакана к прибору. И белого вина нет. Перчатки не надел. Я тебе сколько раз говорил, что я терпеть не могу, чтобы ты голыми руками подавал. Трогаешь ими бог знает какую гадость, а потом хлеб ими же подаешь.

Когда все было приведено в порядок, Татищев удовлетворенно сел за стол, аккуратно завязал себя салфеткой, снял пенсне и обратился к Стражинскому:

– Станислав Антонович, пожалуйста.

Сонный Васька стоял поодаль с вытянутыми руками в нитяных белых перчатках.

– Платок носовой, – приказал Татищев.

Васька бросился в другую комнату.

– Да что ты кидаешься, как сумасшедший, – остановил его Павел Михайлович. – Потеше не умеешь? Развг ты не понимаешь, что это неприлично.

Через минуту Васька беззвучно подал Татищеву несколько платков.

Татищев взял платок, посмотрел его номер (все его платки были заномерованы), посмотрел номер следующего платка, оставил себе первый по порядку, остальные отдал Ваське, сказав:

– Положи аккуратно на место.

Татищев уже совсем было приготовился к еде, но, взглянув на руки, проговорил:

– Нет, не могу, – потребовал умываться. Стражинский, раздраженно наблюдавший Татищева, потеряв терпение, сказал:

¹ Это весьма оригинально (*франц.*).

– O mon Dieu,² – лег на кровать и закрыл глаза.

С четверть часа фыркал Татищев в соседней комнате. Слышались его возгласы:

– Лей сюда, ниже, ниже... Экий ты, Васька, бестолковый!

Наконец, умывшись, с расчесанной бородой, в чистой ночной рубахе и туфлях, Татищев окончательно уселся за стол. Он опять завязал салфетку, опять пригласил Стражинского и приступил к нарезыванию телятины. Это было целое священнодействие. Телятина тонкими ломтиками, пластинка за пластинкой, ложилась одна на другую. Широкая белая рука Павла Михайловича красиво водила большой нож, другая держала громадную вилку, воткнутую в телятину. Вся его сосредоточенная фигура говорила:

– Да вот, подите-ка, нарежьте так аккуратно. Это вовсе не так просто, как кажется. Тут все нужно рассчитать, чтобы вышла такая ровная пластинка. И нож надо именно вот так держать, и вилку на известном расстоянии. Вот теперь надо вынуть ее – поставить дальше. – И Татищев, вынув вилку, воткнул ее в другом месте.

И опять все его лицо говорило:

– Именно вот в этом месте. Теперь опять пойдут правильные ломтики.

И ломтики действительно пошли один правильнее другого.

– Ну, довольно, – досадливо проговорил Стражинский, раздраженно наблюдая Татищева.

Теперь, пожалуй, и довольно, – согласился Татищев когда половина блюда покрылась изрезанными ломтиками.

– Кто это съест? – заметил Стражинский.

– Не беспокойтесь, съем, – обидчиво заметил Павел Михайлович.

Ужин начался. Стражинский ел без всякого аппетита. Съев ломтик телятины, он потребовал себе стакан молока.

Павел Михайлович только головой соболезнующе покачал, аппетитно уплетая кусок за куском.

– Извините, – проговорил Стражинский, кончив свой стакан молока, – я встану, я так устал.

– А чайку? – встрепенулся Павел Михайлович. – Неужели не выпьете стаканчика горячего в кровати? Покамест вы будете раздеваться, чай будет готов. Васька, живо чаю!

Добродушное настроение Татищева подействовало наконец и на Стражинского.

Он с наслаждением вытягивался в кровати, говоря:

– Ох, как я устал! Мне каждый раз кажется, как я ложусь, что я уж не в силах буду никогда встать.

– Да, это безобразие, – согласился Павел Михайлович, оканчивая свой ужин и запивая стаканом вина.

Татищев, окончив ужин, быстро разделся и бросился в кровать. Через пять минут легкий посвист известил Стражинского, что Татищев благополучно прибыл в царство Морфея.

Стражинский долго еще ворочался на постели. Он с завистью и раздражением прислушивался к свисту Татищева. Несколько раз он то тушил, то зажигал свечку, отыскивая кусавших его клопов. Его ноги ныли от ревматизма, он то вытягивал их, то подбирал под себя, напрасно отыскивая положение, при котором боль не была бы так чувствительна. Тяжелые мысли бродили в его голове. Полученное письмо из дому вызвало целый ряд неприятных воспоминаний. Дела по имению у матери, некогда очень богатой, были в страшном расстройстве; второй брат, гимназист шестого класса, заболел скоротечной чахоткой, младший, двенадцатилетний мальчик, и в этом году не попал в гимназию. «Ты одна моя радость и надежда», – заканчивала его

² О боже (франц.).

мать свое письмо. Стражинский горько усмехнулся при мысли, если бы увидела она, что осталось от этой «радости».

Наконец и над ним сжалился сон, хотя не крепкий, тревожный, заставлявший его постоянно вздрагивать и просыпаться.

На другой день, около восьми часов, когда уже порядочно рассвело, Кольцов с Татищевым и Стражинским взбирались по крутому откосу реки в том месте, где накануне остановилась их работа.

Кольцов первый взошел наверх и, в ожидании товарищей, осматривал местность. В этом месте река делала такой острый заворот, что приходилось пересекать ее на протяжении 50 сажен два раза, вследствие чего получалось два громадных моста.

Вдруг у Кольцова мелькнула мысль, от которой ему сделалось и холодно и жарко.

«Что, если обойтись без мостов и речку отвести тун-нелью под этой горой? – Мурашки пробежали у него по спине. – Что это, не схожу ли я с ума? Здравая или сумасшедшая это мысль? – Кольцов снял шапку и провел рукой по горячему лбу. – Надо спокойно обдумать», – решил он и стал шагами мерять длину горы. Длина туннеля получалась около тридцати сажен, считая по две тысячи ног. саж., выходило всего шестьдесят тысяч, тогда как десять саж. высоты моста стоили до 250 т. р. Кольцов радостно обернулся к товарищам.

– Господа! – крикнул он им возбужденным голосом.

– Новый вариант, – с отчаянием проговорил Стражинский Татищеву. Оба уже давно подозрительно наблюдали взволнованные движения Кольцова.

– Знаете, – кричал им навстречу Кольцов, – мы без мостов здесь пройдем.

– Il finira par devenir foil,³ – сказал себе под нос Стражинский.

Сообщение Кольцова было выслушано недоверчиво, но, когда он подтвердил его, Стражинский и Татищев не нашли возражений.

– Только когда же мы все это сделаем? – спросил Татищев.

– Я сам это сделаю. Вы пробивайте намеченную по плану линию, а я сейчас назначу магистраль и разобью профиля. Булавин, – обратился он к десятнику, – ты будешь их ватерпасить, и если завтра к вечеру кончишь, десять рублей награды.

– Будет готово, – отвечал весело Булавин.

Работа была тяжелая. В глубоком снегу вязли ноги.

К обеду Кольцов кончил свою работу и нагнал товарищей.

– Не пора ли закусить? – спросил он Татищева.

– Давно пора, – ответил Павел Михайлович.

Под деревом был разведен костер, для которого рабочие натаскали сухого хвороста; установили два камня – род очага, поставили на них чайник и стали разворачивать провизию. Хлеб замерз, говядина, пирожки тоже, пришлось все, кроме водки, отогреть. Всем этим заведовал аккуратно и не спеша Татищев.

Зная, что нарушение установленной дисциплины испортит расположение духа Татищева, Кольцов и Стражинский терпеливо ждали конца. Когда наконец все было установлено на чистой скатерти, Татищев любезно пригласил Кольцова и Стражинского завтракать.

– К вечеру кончите обход Герасимова утеса? – спросил Кольцов.

– Я думаю, – отвечал Стражинский. – Только выемка немножко будет больше, чем получилась по горизонталям. Шельма Лука наврал, верно, в профилях.

– Какая досада, что нельзя завернуться радиусом в сто пятьдесят сажен, вместо двухсот; вся бы почти выемка исчезла, – заметил Кольцов.

– Да, тогда почти вся исчезла бы, – согласился Стражинский.

³ Он кончит тем, что сойдет с ума (франц.).

– Ведь это 12 тысяч кубов скалы по 11 рублей = 132 тысячи рублей. Какая это рутина – радиус! При соответственном уклоне ведь не прибавляется сопротивления от более крутого радиуса.

– За границей на главных путях давно введен радиус даже в сто сажен, только там вагоны на тележках, – вставил Стражинский.

– А что мешает у нас их устраивать? – ответил Кольцов. – Ведь вы понимаете, какую экономию дал бы такой радиус в нашей горной местности?

– Громадную.

– На всю линию несколько миллионов, – ответил Кольцов.

Наступило молчание.

– Черт возьми, – заговорил Кольцов, – давайте, знаете, сделаем обход Герасимова на радиус двести и сто пятьдесят, – чем черт не шутит, может быть, и разрешат? А?

Татищев и Стражинский успели уже переглянуться, и последний тихо пробурчал:

– Поехал!

– Никогда не кончим, – проговорил Татищев, заливаясь смехом и опрокидываясь на снег. Кольцов сконфузился и покраснел.

– Странный вы человек, Павел Михайлович, ведь интересно же сделать так дело, чтобы не стыдно было на него посмотреть. Ведь обидно же даром бросать сотни тысяч. Вы представьте себе, куда мы с вами денемся, когда дорога будет выстроена, и кому-нибудь из комиссии придет Мысль в голову об радиусе сто пятьдесят? Ведь тогда это будет, как на ладони.

– Да я ничего не возражаю против этого, – отвечал Павел Михайлович, – я вполне всему сочувствую, но где же время, ведь вы хотите поспеть к торгам?

– И поспею, – ответил Кольцов. – Тут ведь на день всего работы.

– Здесь на день, там на день, где ж этих дней набрать? – раздраженно ответил Татищев.

– Ну, я сам это сделаю, – огорченно сказал Кольцов.

– Да я не к тому, – начал было Татищев, но Стражинский перебил его:

– Положим, мы как-нибудь успеем, но только, по правде сказать, мало веры, чтобы из всего этого вышел толк. Ведь это значит переменить технические условия, когда они утверждены начальником работ Временного управления, министром. Пропасть работы вышло бы, начиная от нас.

– Но ведь это все пустяки, тут о сотнях тысяч идет речь.

– Ну да, но когда их никто признавать не хочет.

– Но они существуют. Что нам за дело до других, лишь бы мы исполняли то, что должны.

– Ну да, конечно, – согласился Стражинский. – Я только хочу сказать, что можно какое хотите пара держать, что радиус сто пятьдесят не пройдет.

– Надежд, конечно, мало, – согласился Кольцов.

– Вот если б это было возле станции, где поневоле скорость должна быть меньшая.

– А ведь это идея, почему бы нам не расположить станцию вообще в той луке?

Кольцов схватил профиль и стал внимательно ее рассматривать.

– Станция поместится, – проговорил он. – Поздравляю вас, м-сье, ваша идея блестящая. Стражинский покраснел от удовольствия.

– Но ведь тогда расстояние между станциями не выйдет, близко слишком будет.

– А мы одну уничтожим – еще экономия, – быстро ответил Кольцов. – Нет, положительно, сегодня, господа, у вас гениальные мысли.

У Татищева остановилось в горле замечание, что это опять новая работа.

– А обратили вы внимание, Василий Яковлевич, – заговорил Стражинский, – что при радиусе сто пятьдесят линия залезет в реку, что скажет на это завод?

– Какое мне дело до завода?

– Как какое дело? Они по этой реке спускают баржи, они говорят уже теперь о том, что камни, которые будут падать в воду из выемок, должны быть вынуты, а если вся линия пойдет по реке, я не знаю, что они скажут.

– Ничего они не посмеют сказать, – больше в утешение себе сказал Кольцов и задумался.

– Ох, уж этот мне завод, наделает он нам беды. Все, кроме воздуха, им принадлежит. Несчастный человек будет подрядчик!

– Они его разорят, – сказал Стражинский.

– А знаете, что мне пришло в голову? – сказал Татищев. – Что, если их самих затянуть в подряд? – И Татищев лукаво-добродушно подмигнул.

Кольцов широко раскрыл глаза.

– Павел Михайлович, голубчик, да вы гениальный человек! – закричал он. – Ведь эта идея такая же блестящая, как и со станцией!

Татищев добродушно-весело смеялся.

– Ах, черт побери, – заволновался Кольцов. – В воскресенье же иду к управляющему уговаривать.

– Не согласится, – сказал Стражинский.

– Отчего не согласится? – сказал Татищев. Кольцов, по свойству своей натуры, весь отдался новой идее затянуть завод в подряд. Вопрос действительно был серьезный: на десятки и сотни верст во все стороны от линии тянулась земля крупного заводчика. Земля, вода, лес, камень, песок – все было монополией владельца. Уже при постройке временной больницы Кольцов видел, как разыгрывается аппетит завода. За лес была назначена цена дороже городской. Только случаем Кольцову удалось дешево отделаться: он купил готовый дом, а для пристроек запасся за дешевую цену несколькими срубами у местных крестьян. Заводское управление на такой прием Кольцова ответило приказом к местному населению, по которому жителям строго-настрого воспрещалось продавать лес агентам железной дороги, под страхом навсегда лишиться права приобретать его по уменьшенным ценам из заводских дач.

Предстоящие работы и в других отношениях ставили строителей в зависимость от заводов. С утверждением нового варианта Кольцова, когда приходилось бы работать в воде, завод, по желанию, мог бы нанести неисчислимые убытки одним тем, что не вовремя стал бы выпускать излишнюю воду из своих прудов. Претензии на захват реки тоже могли легко повлиять на неутверждение нового варианта. Казна ничего так не боится, как возможности дать повод вчинать иски, зная по горькому опыту, чем они кончаются. Наконец еще одно обстоятельство побуждало Кольцова горячо желать участия заводов в подряде. Администрация заводов состояла, по преимуществу, из горных инженеров. Все они в большинстве были поляки по происхождению, но, если можно так выразиться, примиренные, не чуждались общения с русскими, отличались гостеприимством и радушием, но по свойству всех людей имели склонность заниматься чужими делами. Кольцова осаждали вопросами о направлении линии: почему там, почему не здесь, почему такая цена, а не такая. Как это всегда бывает, они не так искали положительной стороны дела, как отрицательной. Объяснения Кольцова их мало удовлетворяли, они смотрели на него, как на человека, заинтересованного умышленно утаивать истину, и старались сами найти ответ на неясные для них вопросы. Почва, таким образом, была из таких, на которой легче всего вырастают всякие нелепые и несправедливые слухи. Кольцов чувствовал, что, перервись он пополам, ему не поверят и все объяснят по-своему. Единственная возможность заставить их правильно посмотреть на дело заключалась, таким образом, только в том, чтобы их самих втянуть в это дело, поставить их в такое положение, чтоб у них волей-неволей раскрылись глаза на истину.

«Ах, если б мне удалось этих вольных критиков запрячь, заставить их на своей спине убедиться в том, что все гадости, в которых они считали там инженеров повинными, сидят только в их воображении», – думал Кольцов, вылезая из саней перед домом главного управ-

ляющего заводами (сам владелец в заводе не жил и никогда в жизни в нем не был), горного инженера Пшемыслава Фаддеевича Бжезовского. Бжезовский пользовался большим уважением в горном мире, – он организовал рельсовое производство, прекрасно его поставил, пользовался репутацией даровитого и способного инженера, слыл за прекрасного человека, его дом отличался гостеприимством и радушием. Громадный двухэтажный дом, занимаемый Бжезовским, был настоящий дворец. Прекрасная мебель, масса картин, электрическое освещение, громадные комнаты напоминали собою давно-давно забытую роскошь времен крепостничества. Несколько прекрасных охотничьих собак приветствовали громким лаем появление Кольцова в обширной передней.

Несмотря на несошедший еще снег и холод, отовсюду неся нежный запах свежих цветов. Точно какой-то волшебной силой из царства тьмы и неуютной зимы Кольцов был вдруг перенесен в волшебное царство весны.

На него, жителя юга, пахло чем-то далеким и милым. Он с наслаждением вдыхал в себя этот аромат весны, пока лакей снимал с него валенки, доху и сибирскую с ушами шапку.

Не успел он оправиться, как в дверях показались Бжезовский и его жена. Бжезовский, высокий, пожилой господин с окладистой бородой, худощавый, с безукоризненными манерами, приветливо, но с чувством собственного достоинства поздоровался с Кольцовым, проговорил радушно:

– Добро пожаловать.

Жена Бжезовского, маленькая, полная женщина лет сорока, с добрыми чистыми глазами, как у ребенка, ласково поздоровалась с Кольцовым и сейчас же засыпала его вопросами, не озяб ли он, не устал ли, не желает ли умыться, не хочет ли чаю; и когда Кольцов сказал, что чаю хочет, она весело ударила в ладоши и сказала, что они как раз пьют чай.

В большой столовой, за чайным столом, Ольга Андреевна (она была урожденная русская), пока настаивался чай, несколько раз еще переспросила, не хочет ли Кольцов есть. Кольцов уверил, наконец, ее, что сыт. Тогда она перешла к подробным расспросам о жене и детях Кольцова.

– Какой вы недобрый, зачем же Анну Валериевну с собой не привезли?

Кольцов извинился, сказав, что приехал по делу.

– Ого, по делу! – рассмеялся Бжезовский.

В это время вошел плотный высокий господин, помощник Бжезовского, горный инженер Малинский.

– Василий Яковлевич к нам по делу, – обратился к нему Бжезовский.

– О! – произнес Малинский и сел возле налитого для него стакана.

Кольцов начал издали. Он изложил в коротких словах предстоящую картину постройки, наплыв рабочих, возвышение цен на рабочие руки, на перевозочные средства, указал на затруднения, какие испытывает завод от этого, коснулся неизбежных столкновений с подрядчиками и рядчиками.

– Ну, с этими-то господами нам нетрудно будет справиться, – уверенно перебил его Малинский. – Один хороший паводок сразу приведет их в христианскую веру.

– Вещь обоюдоострая, – ответил сдержанно Кольцов. – Людей, имеющих в своем распоряжении несколько тысяч человек, не так легко запугать. Один неосторожно разведенный костер в ваших сосновых лесах наделает всем больше убытков, чем все ваши паводки. Этого, конечно, не будет, как и с вашей стороны не будет умышленного нарушения интересов подрядчиков.

– Конечно, – поспешил согласиться Бжезовский, недовольный, что его пылкий помощник выболтал, видимо, обсуждавшиеся уже между ними соображения будущих отношений.

– Опасная сторона дела та, что подрядчики станут пользоваться вашим населением для своих работ.

– Пусть пользуются, – ответил Малинский, – а мы им откажем в земле, лесе, дровах; у них ничего ведь нет, они все получают от нас при условии работать в заводе, а не хотят – мы им ничего не дадим.

– По-моему, этим вы их не испугаете, – ответил Кольцов. – Они отлично знают, что ваши заводы без них ничего не стоят и что вам ничего не останется делать, как вновь их принять, когда они явятся к вам.

Бжезовский все время молча слушал Кольцова. Малинский открыл было рот, но Кольцов перебил его:

– При таких условиях единственная возможность не отрывать местное население от заводских работ заключается в том, чтобы сам завод взял на себя подряд! Тогда заводу стоит только не принимать местный элемент на железнодорожную работу, и дело в шляпе.

Глаза Бжезовского сверкнули, но опять приняли спокойное, бесстрастное выражение. Он продолжал молчать, как бы приглашая Кольцова говорить дальше.

– В денежном отношении, – продолжал, помолчав, Кольцов, – дело это тоже представляется крайне выгодным. Если подрядчик пришлый зарабатывает на таком деле барыши, то местный контрагент, имеющий весь даровой материал, заработает, конечно, несравненно больше.

– Положим, этот материал мы можем выгодно продать пришлому контрагенту, – первый раз возразил Бжезовский.

– Не всегда, – ответил Кольцов. – В случае слишком дорогих цен дорога ограничится крайне необходимым, а остальное привезет по временному пути из мест более дешевых.

Бжезовского неприятно передернуло, но это было очень быстрое движение, и он молча поспешил кивнуть головой в знак согласия.

– Размеры подряда, – продолжал Кольцов, – настолько велики, что они стоят того, чтобы таким делом заняться. Ваш годовой оборот, если не ошибаюсь, достигает миллиона, двухлетний подряд даст оборот до двух с половиной миллионов. Барыш от него будет крупным подспорьем для завода, дав ему возможность не только легко перенести кризис, но и заработать на нем. Ввиду того, что дорога только раз строится, казалось бы, не следовало упускать такого удобного случая, – закончил Кольцов свою речь.

Наступило молчание.

Ольга Андреевна, Малинский и Кольцов смотрели на Бжезовского. Последний не торопился с ответом.

После долгой паузы он наконец спросил:

– А как велик может быть барыш?

– Как повести дело. Принимая во внимание ваши условия, я думаю – не менее двадцати пяти процентов со всей суммы.

– Какой оборотный капитал для этого нужен?

– Десять процентов от всего, то есть двести пятьдесят тысяч рублей, – отвечал Кольцов.

– Беда в том, что с этим делом мы мало знакомы, – заметил Бжезовский.

– Это я имел в виду. Вам необходимо пригласить в руководители опытное в этом деле лицо. Я могу указать вам на такого. Это Яков Петрович Нельтон. Он тоже собирается принять участие в подрядах, но сам имеет слишком мало денег и ищет партнеров. Он, между прочим, был представителем компании строителей на пятом участке смежной с вами дороги, которая только что закончилась, и дал своим партнерам до семидесяти процентов на затраченный капитал. Точные сведения вы получите как от его партнеров, так и от начальника работ.

– Надо подумать, – задумчиво проговорил Бжезовский.

Разговор перешел на текущую жизнь.

Кольцов рассказал о новых своих вариантах, о радиусе 150, о замене мостов туннелем. Малинский пришел в ужас, что цена погонной сажени туннели обойдется две тысячи рублей.

– Помилуйте, вся цена такой туннели шестьсот рублей погонная сажень.

– А вот берите подряд, – улыбнулся Кольцов, – и гребите деньги.

– Но что же вы так дорого цените в туннели?

– Я вам укажу только на тот факт, что дешевле двух тысяч рублей ни одна туннель в мире не выстроена, – ответил Кольцов.

– Значит, дело неправильно поставлено, – ответил Малинский.

– Ну вот вам и случай поставить его правильно.

– Как вы работаете туннель?

– Есть несколько способов, но все они сводятся к тому, что пробивается сперва небольшое отверстие, которое называется направляющей штольной, а затем разрабатывается все отверстие.

– А почему сразу не разрабатывается все отверстие?

– Невыгодно, как работа цельной среды. Чем меньше направляющая штольная, тем это выгоднее.

– Конечно, мне трудно возражать, но я познакомлюсь с вопросом и через месяц буду с вами спорить. Какое лучшее сочинение по туннелям?

Кольцов не мог ответить.

– По-русски почти ничего нет, а за границей, наверно, есть.

– Я знаю сочинение Ржиха. Но недавно вышло, кажется в Англии, новое сочинение.

– Вы видели Ржиха? – спросил Малинский.

– Не видал, – ответил Кольцов.

– Если хотите, я вам покажу.

И Малинский повел Кольцова в свою комнату. Он был очень начитанный человек и обладал способностью применять начитанное к делу. В требнике завода и постановке рельсового дела он ввел массу нововведений, – между прочим, бессемеровский способ литья стали прямо из чугуна. Но было и несколько промахов, неизбежных в каждом деле.

Масса книг и журналов лежала на нескольких столах в комнате Малинского. Были тут и немецкие, и французские, и английские, и американские; меньше всех было русских.

Он снял с этажерки две громадных книги и тяжело бросил их на стол.

– Неужели это все об одних туннелях? – спросил Кольцов. – У нас в институте о туннелях читалось ровно две страницы. Только немец может столько написать, – говорил Кольцов, перелистывая книгу.

Малинского неприятно покоробили слова Кольцова.

– Обстоятельно, – нехотя ответил он.

– К сожалению, я не понимаю по-немецки, – сказал Кольцов, закрывая книгу, – а то бы попросил у вас почитать.

– Вы какие журналы выписываете по вашей специальности?

Кольцов покраснел.

– Кроме журнала нашего министерства, – никаких. Наступило неловкое молчание.

– Наше дело так налажено, – заметил Кольцов, – что вряд ли что-нибудь новое узнаешь, да притом я только французским с грехом пополам владею.

– Может быть, пойдем в столовую? – спросил Малинский.

– Знаете, что мне улыбается в вашем подряде, Василий Яковлевич? – встретила Кольцова Ольга Андреевна. – Я давно на лето мечтаю выстроить себе маленький домик, в котором я могла бы чувствовать, что и я существую, а то в этих громадных комнатах чувствуешь себя такой маленькой. Если бы муж взял подряд, ему пришлось бы выстроить себе какое-нибудь пристанище, вот и я бы к нему пристала.

И она, склонив голову на плечо, своими детскими ласковыми глазами посматривала на мужа. Бжезовский ласково рассмеялся.

– Ну, уж если она охотится, то вы можете считать, что половину дела сделали, – обратился он к Кольцову.

– Эта сторона меня страшно радует, – и все лицо – Бжезовской показывало искреннюю радость. – Если бы вы знали, как я хочу этой тихой простой жизни в маленьких уютных комнатах! – И опять ее чистые глаза заискрились весельем ребенка, которое невольно заставляло всех веселее смотреть на свет божий.

Несмотря на возможный успех, расположение духа Кольцова было испорчено. Разговор с Малинским, необходимость, вынудившая его признаться в незнакомстве с теоретической стороной своего дела, неприятно мучила его. Он поспешил попрощаться с Бжезовским и, условившись свидеться с ним на днях у себя, уехал домой. Всю дорогу он не мог отделаться от тяжелого чувства. Он не мог не признать, что Малинский ловко попал в его слабое место. Кольцов никогда не любил теории и, будучи еще студентом, принадлежал к партии так называемых «облыжных студентов», то есть таких, для которых вся наука сводилась к экзаменам. Выдержал экзамен – и долой весь лишний хлам из головы. В первые годы практической деятельности отсутствие правильной теоретической подготовки мало чувствовалось: во-первых, изучение практической стороны дела требовало немало времени; во-вторых, и роль была все больше исполнительная. Теперь, через двенадцать лет, Кольцову приходилось выступать уже в такой роли, где требовалось много инициативы, путь открывался для широкого творчества, и на каждом шагу он чувствовал все больше и больше свое слабое место – недостаточную теоретическую подготовку. Та масса новых оригинальных идей, которые сидели в его голове и которые он стремился провести в жизнь, требовала для надлежащей авторитетности научной формы. Кольцов чувствовал, что без этого он никого не убедит, что все отнесутся к его идеям с обидным недоверием.

Он считал, что сегодняшний его разговор с Малинским подрывает его авторитет как человека науки не только в глазах самого Малинского, но и всего кружка горных инженеров, между которыми Малинский признавался авторитетом.

Унылым и подавленным приехал он домой.

– Неудача? – встревоженно встретила его жена.

– Нет, кажется, полная удача, – ответил Кольцов, входя в свой скромный кабинет и опускаясь в кресло.

Жена села возле него и пытливо заглядывала ему в глаза. Кольцов старался избегнуть встречи с ее глазами.

– Воздух спертый, – проговорил Кольцов.

– Квартира сырая, комнаты маленькие. Сегодня у Коки за кроватью на стене я нашла грибок. Меня так беспокоит, как бы эта сырость не отразилась на здоровье детей. Они так побледнели за зиму.

– Надо почаще вентилировать, – заметил Кольцов.

– Каждый день вентилируем, – ответила жена. – Когда бы уж скорее весна началась, стану их по целым дням на воздухе держать.

Кольцов облокотился и задумался.

– Ты не в духе? – помолчав, спросила его жена.

– Так, немножко неприятно, – нехотя ответил Кольцов, решив ничего не говорить жене. Через полчаса, однако, он уже все ей рассказал.

– Что ж тут такого, что могло тебя так огорчить? – успокаивала его жена. – Во-первых, большая разница между им и тобой: он ведет оседлую жизнь, дела у него сравнительно с тобой почти нет, он, наконец, любит теорию, ты любишь практику. Профессор, может быть, из тебя не выйдет, но ведь ты и не желаешь им быть. Ваш же министр и вовсе не инженер, а все-таки министр.

– Ну, это, положим, не довод. Я не знаю, что нашего министра вывело в люди, но знаю, что, чем дальше, тем больше будут искать во мне причин, которые дали бы оружие моим противникам. Слабая теоретическая подготовка будет мне в жизни громадной помехой.

– Но, если и так, что тебе мешает пополнить пробел: тебе тридцать пять лет – твое время не ушло.

– Вот именно я думал, что когда начнется постройка, время будет посвободнее. Я повторю всю теорию и займусь литературой. Ведь не то, чтоб я ее забыл, а так, забросил. Пристань ко мне с ножом к горлу, я и теперь сумею рассчитать любой мост.

– Миленький мой, я ни капли в этом не сомневаюсь, – ответила жена, обнимая и целуя его.

Кольцов повеселел и начал рассказывать жене, как хорошо у Бжезовских. Как у них пахнет весной, как ему вспомнился юг.

Анна Валериевна – сама южанка – понимала мужа, жалела, что не поехала с ним к Бжезовским.

– Ах, Вася, Вася, чего бы я ни дала, чтоб жить там, на юге, – страстно проговорила она. – Как бы расцвели там Дюся и Кока.

– Что делать! – вздохнул Кольцов. Он встал.

– Неужели заниматься? – спросила испуганно жена.

– Нужно бы, очень нужно, но устал, и мысли в разброде. Пойду только отдам распоряжение на завтра. Не знаешь, Татищев и Стражинский...

– Целый день занимались, – перебила его жена, – и теперь, кажется, в конторе. Отпусти ты их или приходи с ними чай пить. Я буду вас ждать.

– Хорошо, – ответил Кольцов, уходя в контору. Татищев и Стражинский приготовили Кольцову сюрприз. Он застал их усердно работавшими.

– Господа, вы меня стыдите, – проговорил Кольцов, весело с ними здороваясь. – Бросьте работу, ведь не каторжные же мы в самом деле.

– Скоро конец, – весело проговорил Татищев. – Ну вот, смотрите, кончили мы то место, где хотите туннель делать вместо мостов.

– Уж вычертили? – удивился и обрадовался Кольцов.

– Да, надо же когда-нибудь кончать, – рассмеялся Татищев.

Кольцов растрогался и горячо пожимал руки Татищева и Стражинского. Он не утерпел, чтоб не прикинуть, как ляжет туннель. Мало-помалу все трое так увлеклись, что и не заметили, как пробило два часа.

Анна Валериевна напрасно несколько раз звала их пить чай.

Горничная каждый раз приносила все тот же стереотипный ответ: «Сейчас». И Анна Валериевна снова посылала разогреть самовар, снова заваривала свежий чай. Горячие ватрушки давно уже остыли, поданный в пятый раз самовар опять стал совершенно холодным; Анна Валериевна с книгой в руках так и заснула на диване в ожидании, когда наконец Кольцов вошел в столовую. Он тихо подошел к жене и поцеловал ее.

– Миленький мой, как ты опоздал, – сказала она, просыпаясь. – А где же Стражинский и Татищев?

– Спать пошли: два часа.

– Два часа? – переспросила Анна Валериевна и замолчала.

Ей стало досадно, что и этот вечер ушел от нее.

– Ты мне ни одного вечера не подарил с тех пор, как я здесь, – тихо проговорила она, и слезы обиды закапали из ее глаз.

Кольцов горячо обнял ее и начал утешать.

– Скоро, скоро уж конец. Тогда опять все вечера твои.

Он рассказал ей, какой сюрприз ему устроили его товарищи, как незаметно они увлеклись проектировкой и как опомнились, когда уже было два часа.

Бжезовский приехал к Кольцову в назначенное время и изъявил свое согласие на участие в подряде. Нужно было торопиться ехать на торги. Кольцов давал ему всякие инструкции.

– Главное, не набирайте большого штата. Если б даже мой вариант и не поспел к торгам, будет строиться все-таки он, а не прежний, поэтому не спешите набирать большую администрацию, так как теперешняя линия на сорок процентов дешевле прежней.

Бжезовский уехал. Окончил и Кольцов свои варианты.

– Что бы вы сказали, Павел Михайлович, если бы я вас командировал с проектами? – спросил он как-то у Татищева.

Татищев покраснел от удовольствия.

– Я с удовольствием, – ответил он.

– Стражинский наотрез отказался ехать в отпуск, а вы принимаете?

– Я с удовольствием, – повторил Татищев.

– А сумеете вы защищать нашу красавицу – новую линию?

– Она не нуждается в защите, – с несвойственной ему горячностью и уверенностью ответил Татищев.

– Очень рад, – ответил Кольцов. – Ваш ответ показывает убежденность, а когда человек убежден, он все сделает.

Татищев приехал в город за два дня до торгов.

Первым делом он явился к начальнику работ.

Его потребовали не в очередь.

В небольшом, скромно меблированном кабинете из угла в угол ходил лет пятидесяти главный инженер Елецкий, среднего роста, хорошо сложенный, с сохранившимися красивыми чертами лица.

Татищев вошел и поклонился.

– Здравствуйте, – медленно проговорил Елецкий, протягивая руку Татищеву. – Что скажете хорошенького?

– Вариант привез, – весело-почтительно ответил Татищев.

Легкая улыбка сбежала с лица Елецкого. На лбу появились складки, и он раздраженным голосом переспросил:

– Вариант? Опять вариант? Да так же нельзя, господа!

Татищев потупился и не нашелся ничего ответить.

Елецкий несколько секунд постоял, сердито махнул рукой и заходил по комнате.

Несколько минут тянулось тяжелое для Татищева молчание. Елецкий забыл о Татищеве и весь погрузился в свои мысли. Татищев слегка кашлянул.

– Извините, пожалуйста, – спохватился Елецкий. – Присядьте.

И он опять зашагал по комнате.

– И все эти варианты – прекрасная вещь, но все в свое время, – заговорил Елецкий успокоенным голосом. – Вы, господа, совершенно забыли о постройке, а мы два года уже делаем изыскания. Мне проходу нет в Петербурге, когда я наконец начну постройку, а я в ответ то и дело вижу все новые и новые варианты. «Последний?» – спрашивают. «Последний», – и через три месяца опять совершенно новая линия. Ведь наконец кончится тем, что нас всех прогонят, – остановился он перед Татищевым. Татищев смущенно ерзал на стуле.

– Когда же конец будет? – наступал на него между тем Елецкий. – Через три месяца вы мне опять привезете новый вариант; когда же мы строить будем, что же я скажу в Петербурге, когда только что приехал оттуда, дав чуть ли не честное слово, что изыскания окончены?

– Два года идут изыскания, а линии нет, – помолчав, продолжал Елецкий. – Варианты, варианты, без конца варианты.

– Живое дело, – робко заметил Татищев, – одно хорошо, другое лучше.

– Но ведь так же без конца может продолжаться, – вспыхнул Елецкий. – Где же конец? Наши изыскания сумасшедших денег стоят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.